

ФАДДЕЙ БУЛГАРИН — ЮРИСТ И КУЛИНАР

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (40), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.1

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-100-128>

<https://elibrary.ru/WMZVWA>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Ф.В. Булгарин — ходатай по делам

© 2026, А.И. Рейтблат

Новое литературное обозрение,
Москва, Россия

Аннотация: Одним из темных мест в биографии Ф.В. Булгарина является судебный процесс, в котором он участвовал с середины 1810-х по начало 1830-х гг. В настоящей статье на основе обширного судебного дела, хранящегося в РГИА, а также ряда других источников подробно воссоздается ход этого запутанного процесса, которым много лет занимались Правительствующий Сенат и Государственный совет и который сыграл важную роль в жизни и творчестве Булгарина. Статья включает впервые публикуемые письма и прошения Булгарина возглавлявшим (в разное время) Министерство юстиции Д.И. Лобанову-Ростовскому, А.А. Долгорукову и Д.Н. Блудову, а также ходатайства за Булгарина перед А.А. Долгоруковым и председателем Государственного совета В.П. Кочубеем главного начальника III отделения А.Х. Бенкендорфа.

Ключевые слова: Ф.В. Булгарин, биография писателя, судебный процесс, Сенат, Государственный совет, Литовский статут.

Информация об авторе: Абрам Ильич Рейтблат — кандидат педагогических наук, член редакции журнала «Новое литературное обозрение», Тверской б-р, д. 13, 123104 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4957-7401>

E-mail: reitblat@nlobooks.ru

Для цитирования: Рейтблат А.И. Ф.В. Булгарин — ходатай по делам // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 100–128. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-100-128>

Биография Булгарина в основном известна, но в ней осталось несколько темных мест, например, служба во французской армии в 1811–1814 гг. К числу таких темных мест принадлежит и судебный процесс, в котором он участвовал. Об участии в процессе он не раз

упоминал в переписке, вспоминают о нем и мемуаристы (Н.И. Греч, О.А. Пржецлавский). Долгое время основным источником сведений о процессе была краткая и частично неверная характеристика его, которую дал Н.И. Греч в своих воспоминаниях:

Дядя его, Павел Булгарин, бывший литовским подконюшим <...>, полюбив Фаддея за живой характер, за ум и находчивость, поручил ему вести процесс его с родственником графом Тышкевичем и Парчевским, или, собственно, два процесса: один с Парчевским против Тышкевича, другой с Тышкевичем против Парчевского. Дело шло об восьми тысячах душ. Булгарину за ходатайство обещано было пять процентов, т. е. четыреста душ. Процесс производился в Сенате, и новый ходатай отправился в С. Петербург. <...> До 1823 года он литературою занимался мало, посвящая все свое время, всю свою деятельность ведению своего процесса. <...> Для достижения своей цели он употреблял все возможные средства: с утра до вечера таскался по сенаторским и обер-прокурорским передним, навещал секретарей и стряпчих, кормил и подкупал их, привозил игрушки и лакомства их детям, подарки женам и любовницам¹.

Но в чем конкретно заключался этот процесс и чем он закончился, не было известно. В 1990-х гг. я разыскал в ГАРФ обширное дело, посвященное булгаринскому процессу, и на основе просмотра его печатал краткие справки о нем, к сожалению, не лишенные неточностей². И только сейчас, после тщательного изучения дела Булгарина³ и ряда других источников, появилась возможность достаточно подробно описать этот примечательный и весьма запутанный процесс о наследстве, который не только ярко характеризует российское судопроизводство тех лет, но и дает ценный материал для понимания биографии и творчества Булгарина.

Начать рассказ о нем следует с пояснения социального контекста. Прежде всего отметим, что начался процесс на землях бывшей Речи Посполитой — конфедерации, созданной в XVI в. на основе двух славянских государств — Королевства Польского и Великого княжества Литовского, которое в просторечии называли Литвой. В них законы существенно отличались от российских. В Великом княже-

¹ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.; Л.: Academia, 1930. С. 683, 688. См. также в воспоминаниях О.А. Пржецлавского: [4, с. 456–457].

² См.: [2, с. 101; 6, с. 177–178; 1, с. 533–534].

³ Благодарю Наталью Николаевну Акимову за содействие в более детальном знакомстве с делом.

стве Литовском действовал Литовский Статут, созданный в XVI в. на старобелорусском языке. Судопроизводство в Речи Посполитой было гласным, с участием адвокатов.

В результате трех хищнических разделов Речи Посполитой, осуществленных Россией, Пруссией и Австрией в конце XVIII в., Великое княжество Литовское досталось России, но судопроизводство там до 1840 г. велось по Литовскому статуту, причем высшей судебной инстанцией был 3-й (так называемый польский) департамент Правительствующего Сената. В России же, в отличие от Речи Посполитой, судопроизводство не было гласным и устным. В результате тяжущимся сторонам были нужны ходатаи по делам, знающие Литовский статут и владеющие русским языком, которые должны были писать просьбы, записки по делу, давать взятки, чтобы дело не стояло на месте. Стороны, участвующие в процессе, подготавливали записки, доказывая, что истина на их стороне (иногда их печатали), основная записка готовилась сенатскими чиновниками, а сенаторы знакомились с записками и принимали решение.

Предыстория процесса, в котором участвовал Булгарин, была такова. Очень богатый хорунжий Казтан Нагурский⁴ 16 апреля 1802 г. завещал свое достояние сестре Иоганне Жуковской, жене подкомория⁵, и племяннице Екатерине Булгариновой (дочери сестры Нагурского Феклы Голынской). По ревизии 1816 г. наследство Нагурского составляло в Могилевской губернии 1859, а в Виленской 1869 крепостных мужского пола.

Екатерина Булгаринова (у нее был сын Михаил) в марте 1804 г. продала двоюродному дяде Ф.В. Булгарина, Павлу Булгарину (женатому на дочери Иоганны Жуковской Варваре) свое доставшееся по наследству имение, какое должно было остаться после уплаты долгов; в августе 1806 г. он уступил его тестю и теще — подкоморию Казимиру и его жене Иоганне Жуковской, но в ноябре того же года заявил, что сделал это под их давлением.

У Иоганны и Казимира Жуковских кроме Варвары были дочь Екатерина и сыновья Антоний и Иосиф. И. Жуковская признала мужа совладельцем имений Большие и Малые Корцяны с Мишуцями. В октябре 1803 г. она составила документ, по которому выделила дочерям по 200 000 злотых: Варваре в обеспечение этой суммы

⁴ К. Нагурский был хорунжим Шавельского повета (уезда). Поветовый хорунжий занимался, в случае необходимости, организацией ополчения в повете (в Речи Посполитой не было регулярной армии), поэтому эта должность была весьма почетной.

⁵ Подкоморий — судья по спорам о границах имений, престижная должность.

документом от 2 декабря 1804 г. она отдала имение Пацевичи, дочери Екатерине (позже она вышла замуж за подполковника Игнатия Константиновича Парчевского) обещала впоследствии выплатить указанную сумму; обе дочери — Варвара в 1804 г., а Екатерина Парчевская в 1808 г., дали письменные расписки, что они «отрицаются от наследственных имений»⁶, которые должны были унаследовать их братья Антоний и Иосиф (имеются в виду Большие и Малые Корцяны с Мишуцями). За собой Иоганна оставила имение Жогины.

9 июня 1814 г. И. Жуковская умерла, ее сын Иосиф умер еще раньше. Поэтому все унаследовал другой сын, шавельский маршал (т. е. предводитель шляхты Шавельского повета) Антоний Жуковский, женатый на Казимире Горской; у них была полуторагодовая дочь Эмилия, и жена была беременна вторым ребенком. Но тяжело заболевший Антоний Жуковский 13 июня 1814 г. дал жене документ, согласно которому она, в случае смерти своих детей, становится наследницей родового имения, минуя всех родственников, назвав опекунами Юрия Лускина, Иосифа Платера, Людвиг Горского, Казимира Бурбу, Владимира Гадона и Каликта Комара. Этот документ, выдать который по Литовскому статуту Жуковский не имел права, заложил основу для последовавшего процесса. Кроме того, дополнительной дарственной он оставил жене 20 000 червонцев и имение Куртовяны, а также имения, оценивавшиеся в 130 000 червонцев. 26 июня 1814 г. он умер; имение унаследовала его малолетняя дочь Эмилия, но распоряжаться должна была Казимира (документом от 29 июля 1814 г. она освободила от ответственности опекунов и все взяла в свои руки). 23 октября 1814 г. Казимира продала Великие Корцяны опекуну графу Иосифу Платеру и его брату Егору, вместо получения денег выдав документ, по которому Платеры должны были погасить долг Жуковских, в том числе подполковнику Игнатию Парчевскому и Екатерине Булгариновой (урожденной Голынской) или ее сыну. 27 ноября 1814 г. один из опекунов, Ю. Лускин, подал прошение в Могилевский главный суд с протестом о незаконности подобной продажи без уведомления всех опекунов и без ведома Правительствующего Сената; он утверждал, что передача Жуковским имения жене противоречит установленным порядкам о наследстве. Вскоре умерли и дети Жуковского: 28 апреля 1815 г. родившийся в том же году после смерти отца Антоний, а 1 октября 1815 г. и Эмилия. После смерти Эмилии по Литовскому статуту унаследовать имение должны были дети сестер Антония Жуковского — Иоганна

⁶ РГИА. Ф. 1347. Оп. 65. Ед. хр. 1070. Л. 47–48. Далее ход процесса излагается по этому архивному делу, а ссылки на листы отдельных документов даются в тексте.

и Казимира Булгариновы (дочери Варвары), а также сын Екатерины Антоний Парчевский. Однако вдова Жуковского, вышедшая вскоре замуж за камер-юнкера графа Станислава Тышкевича, не отдавала имения и часть передала мужу, а остальное стала распродавать, хотя не имела на это права.

Дело, начатое в Могилевском суде по жалобе Ю. Лускина, было передано в Виленский главный суд, который через год, 18 октября 1815 г., постановил расследовать в судебном порядке незаконность совершившихся продаж и наложил на них протест. Кроме того, подали протесты в земских судах: в Шавельском 5-го, Тельшевском 11-го, Россиенском 23 октября 1815 г. И. Парчевский и П. Булгарин: первый от имени сына Антония, а второй от имени дочерей Иоганны и Казимиры. (Сестры Жуковского Варвара и Екатерина к этому времени уже умерли.) Виленский главный суд 26 ноября 1815 г. постановил, что Булгарин и Парчевский должны обосновать свои претензии по литовским законам, после чего те обратились в Виленское губернское правление, оно, в свою очередь, 18 декабря 1815 г., ссылаясь на действующее законодательство, констатировало, что отказ сестер Жуковских, Варвары и Екатерины от притязаний на имение находится в противоречии с интересами их детей, оспорило законность наследственных и дарственных бумаг Антония Жуковского и постановило, взяв от опекунов подробные отчеты, отдать дело в ведомство дворянской опеки⁷ под наблюдение Правительствующего Сената.

На это решение Казимира Тышкевич подала жалобу литовскому военному губернатору А.М. Римскому-Корсакову. Тот, остановив решение Виленского губернского правления, внесшего, по его мнению, путаницу в рассмотрение дела, назвав наследниками детей Парчевского и Булгарина, обратился в Сенат 22 января 1816 г. Теперь уже это решение вызвало жалобу Парчевского, поданную им 8 февраля 1816 г. на имя императора. «Надлежащее исполнение» по этой жалобе обер-прокурор Сената З.Н. Посников поручил обер-секретарю 3-го департамента А.М. Искрицкому, женатому на сестре Ф.В. Булгарина (л. 69). Сенат, получив 19 января 1816 г. рапорт Виленского губернского правления от 30 декабря 1815 г. о прошениях отставного подполковника И. Парчевского и камер-юнкера графа С. Тышкеви-

⁷ Дворянские опеки были созданы в 1775 г. под председательством уездного предводителя дворянства (в их состав входили уездный судья, заседатели уездного суда и казначей). Опека осуществляла надзор за имениями дворян по их просьбе или в определенных законом случаях (надзор за имениями дворянских вдов и сирот, умилившихся, за имениями, реквизируемыми по взысканию). Опека назначала опекунов, проводила опись имений и ревизию опекунских отчетов.

ча, слушал дело 3 февраля, 7 марта и 3 мая 1816 г. В итоге указом от 5 мая 1816 г. Сенат подтвердил решение Виленского губернского правления о праве на наследство сестер Булгариных и Антония Парчевского, заключив, что в дальнейшем дело должно рассматриваться в соответствующих губернских судебных инстанциях и не по прошениям, а в соответствии с «узаконениями».

С июня 1816 г. в Сенат начали поступать документы (в том числе из Могилевского губернского правления) о проверке имений покойного Жуковского органами опеки. Из-за сложного состава наследства (от больших имений до малых фольварков и дома в Вильне, к тому же, некоторые из владений к этому времени были уже проданы Казимирой Тышкевич, кроме того, существовали переуступки долгов и проч.) дело разрасталось. Так, Парчевский и Булгарин подали жалобу в Сенат на Виленское губернское правление, которое оставило одно из имений (Куртовяны) во владении Тышкевичевой, а С. Тышкевич, в свою очередь, писал министру юстиции Д.П. Трошинскому о том, что наложение запретов на продажу имений лишает его жену возможности оплатить долги Жуковского и ставит ее на край гибели. 7 и 28 августа 1816 г. Сенат рассмотрел эти жалобы и подтвердил правоту Виленского губернского правления, согласившись с тем, что Куртовяны перешли графине Тышкевич по духовному завещанию Жуковского, однако вновь потребовал отдать в опеку все остальные имущества покойного Жуковского до окончания тяжбы; кроме того, Сенат указал на недопустимость участия в опеке над именем лиц из числа спорящих сторон и предписал назначить новых независимых опекунов. Сенатский указ был разослан 16 октября 1816 г., а дело передано в ведение губернских судов и правлений.

После этого Сенат возвращался к делу для слушания рапортов об исполнении указа из губернских инстанций 18 и 20 декабря 1816 г., 2 и 3 апреля 1817 г. Однако во второй половине 1817 г. обе стороны возобновили свои жалобы, особенно активен был Парчевский, который не раз жаловался на многочисленные нарушения формальностей, на затягивание исполнения решения суда, что ведет к разорению имений, и проч. Сенат рассматривал его обращения и пояснения представителей опеки 6, 17 сентября и 10 октября 1817 г. и отправил в Виленский главный суд указ от 3 декабря 1817 г. с требованием отчета о производстве дела. В январе 1818 г. по жалобам Парчевского на Виленский главный суд из-за медленного прохождения дела обер-прокурор Сената Н.А. Челищев приказал обер-секретарю В.И. Солодовникову доложить ход дела, и тот составил

обширную записку. Ознакомившись с ней, министр юстиции князь Д.И. Лобанов-Ростовский 11 марта 1818 г. отправил предложение Сенату о новом рассмотрении дела (к этому времени, 14 февраля 1818 г., Парчевский успел подать жалобу самому Лобанову-Ростовскому). Слушание дела состоялось 27 марта 1818 г. и указом от 23 апреля 1818 г. дело было оставлено Виленскому главному суду, который, наряду с Виленским губернским правлением, должен был обеспечить выполнение предписаний Сената от 5 мая и 16 октября 1816 г., чтобы имения не были разорены (л. 777–778).

Но и после этого Парчевский продолжал жаловаться теперь уже на неисполнение на местах сенатского указа от 23 апреля 1818 г., а Виленский суд присылал рапорты о невозможности из-за запутанности окончательно решить дело. Несколько раз, 8 августа 1818 г. и 4 ноября 1818 г., в Сенат поступало требование от министра юстиции ускорить ход дела (л. 835, 861–862). В итоге Сенат 16 августа 1818 г. потребовал от Виленского главного суда доложить о причинах неисполнения апрельского указа и после слушания дела 7 ноября разослал 11 ноября указ о комплектовании нового состава Виленского главного суда в течение месяца, так как в прежнем состояли родственники Тышкевичевой. Рапорты об исполнении слушались в Сенате 19 декабря 1818 г., 30 октября 1819 г., 5 августа 1820 г. и 20 сентября 1821 г. За это время были выявлены факты неисполнения опекой принятых решений, нарушений и злоупотреблений, о чем не уставал подавать жалобы Парчевский, указывая на неверно показанные и скрытые доходы и проч. Видимо, вследствие этого противники Булгариных подали заявление, что Антоний — незаконный сын Игнатия Парчевского (с этим наветом в июне 1819 г. выступил и П. Булгарин, подав соответствующее заявление (л. 1846) в расчете на то, что в случае устранения Парчевского все наследство перейдет к Булгариным); этот вопрос рассматривался в уголовном порядке. Теперь, пока не было доказано, что Антоний — законный сын И. Парчевского, уже и его отец был заинтересован в затягивании дела. В связи с этим Ф. Булгарин обратился к министру юстиции Д.И. Лобанову-Ростовскому с прошением:

Сиятельнейший князь
Милостивый государь!

Во всякой справедливой тяжбе скорейшее окончание оной есть первым желанием тяжущихся. Напротив того, по делу о наследстве, после Эмилии Жуковской оставшемуся, между Булгариновыми,

Парчевским и Тышкевичевою, противные стороны употребляют все усилия, дабы продолжить тяжбу. По сему предмету Парчевский уже несколько раз беспокоил и Ваше Сиятельство, и Правительствующий сенат подаваемыми просьбами, в которых вопреки всем существующим законам просил отсрочки апелляционного дела. И когда не успел в своем намерении, то, подав просьбу о рукоприкладстве⁸ в 3 департаменте Правительствующего сената, всеми мерами старается продолжить оное. Прибегая к великодушию и справедливости Вашего Сиятельства, осмеливаюсь просить Вашего высокого покровительства угнетенному семейству и покорнейше умоляю Ваше Сиятельство предписать 3-му департаменту Правительствующего сената, дабы срок рукоприкладства считать Парчевскому от числа, в котором на его просьбу по сему предмету воспоследовала резолюция, а по истечении срока, законами предписанного, повелеть докладывать дело, уже год и восемь месяцев находящееся в Сенате без всякого хода.

Ваше Сиятельство! Воззрите милостивым оком на несчастное семейство, лишенное собственности противузаконными средствами, и благоволите исполнить мою покорнейшую просьбу, которую подвергаю на благорассмотрение непоколебимой Вашей справедливости и неутомимой ревности, с которыми Ваше Сиятельство защищаете всех несчастных и угнетенных.

С глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностью имею честь пребыть

Сиятельнейший князь

Милостивый государь

Вашего Сиятельства

Всепокорнейшим слугою

Фадей (Так!) Булгарин.

10-е генваря 1822 года

СПетербург

Жительствоует в Офицерской

улице в доме Васильевой

№ 196⁹

⁸ «Судебное рукоприкладство состоит в подписи записки и с изъявлением удовольствия или неудовольствия» (В.И. Даль).

⁹ ОР РНБ. Ф. 859. К. 4. № 14. Л. 23–24.

В апреле Булгарин повторно обратился к Лобанову-Ростовскому:

Его Сиятельству господину генералу от инфантерии,
члену Государственного совета, министру юстиции,
кавалеру князю Дмитрию Ивановичу Лобанову-Ростовскому
отставного капитана Фадея Венедиктова сына Булгарина,
по доверенности дяди его подконюшего Павла Булгарина и
двоюродных сестер Иоанны и Казимиры Булгариных

Покорнейшая просьба

После смерти Эмилии Жуковской возник спор о родовом имении, после ее оставшемся, которое намеревается присвоить мать Эмилии, в нынешнем супружестве графиня Тышкевичева, и которое имение отыскивают двоюродные сестры покойной Эмилии, так же покойный подполковник Парчевский начал о сем иск от имени малолетнего сына своего Антония, якобы от Жуковской родящегося. Все вышеупомянутые лица начали спор жалобами в Правительствующий сенат, который указом 16 октября 1816 года повелел: дело о наследстве рассудить формою суда завитым сроком¹⁰, графине Тышкевичевой отдать во временное владение имение Куртовяны и сумму 20 т. червонцев; прочее имение отдать в ведомство дворянской опеки до окончания тяжбы.

Тяжба сия, переходя по порядку все нижние инстанции, по апелляции сторон, перешла в Правительствующий сенат в 3 департамент, а дело прислано из Виленского главного суда 2 департамента в генваре месяце 1821 года.

Все противные Булгариновым стороны устремили усилия свои к продолжению тяжбы о наследстве, после Эмилии Жуковской оставшемся, потому что с окончанием тяжбы несправедливые их поступки будут явными и что тогда они должны будут лишиться владения чужою собственностью и отдать отчет в управлении оного.

По сему предмету графиня Тышкевичева соединилась с соумышленниками своими, бывшими опекунами над имением при жизни Эмилии, с которыми вместе без ведома Правительства она, Тышкевичева, продала значительную часть имения за самую низкую цену самим же опекунам, своим друзьям и родственникам. Она же, графиня Тышкевичева, согласилась с несправедливыми покупщи-

¹⁰ Полонизм (termin zawity). Выражение это переводится как «пределный срок» и означает в польском законодательстве установленный законом срок для завершения судебного разбирательства, например, срок подачи апелляций.

ками сих имений и с нынешними дворянскими опеками, отданными под суд за разорительное управление имением и опасавшимися отчета. Вовлекши в сей умысел и опекунов малолетнего Парчевского к продолжению тяжбы, противные стороны Булгариновых сначала прибегнули к Вашему Сиятельству, прося отсрочки дела о наследстве, до совершеннолетия малолетнего Парчевского и до окончания другого дела о его родопроисхождении, вовсе не имеющего связи с первым. И когда Ваше Сиятельство, внимая единственно гласу правосудия и свято соблюдая оное, несмотря на предстательство значительных лиц, отказали в сем противузаконном прошении, тогда противники Булгариновых обратились в Правительствующий сенат и вопреки закона, запрещающего принимать просьбы после апелляций, начали обременять Сенат жалобами, коих число простиралось до 16. В том намерении, чтобы, составив дело по частным жалобам, отсрочить слушание апелляционного дела. Наконец, когда и в сем деле не успели и Сенат отказал на все их несправедливые просьбы, тогда противники Булгариновых прибегнули к новому средству и, прикрывая ябеду формальностию, вознамерились рукоприкладством продлить тяжбу и успели в том совершенно.

Апелляционное дело пришло в Правительствующий сенат в январе месяце прошлого 1821 года, а записка по делу составила в декабре того же года, т. е. в одиннадцать месяцев. От декабря, из числа противников Булгариновых, только двое подали прошение о допущении их рукоприкладству: г-н Парчевский, который посетил раза два Сенат, уехал обратно в Польшу, не подписав рукоприкладство. После него по доверенности одного из покупателей имения подал прошение к рукоприкладству ученик Института водяных сообщений¹¹ г-н Орда, по летам своим и по званию не имеющий даже права быть поверенным. И сей г-н Орда, дав подписку 2 марта текущего года, ни одного разу не явился в Сенат для чтения Записки. А как в деле сем о наследстве участвуют более 20-ти человек, из коих некоторые едва имеют по несколько листов из всего дела, к ним касающихся, и вовсе чужды прочим обстоятельствам дела, то ежели и сим лицам будет дозволено продолжать рукоприкладство несколько месяцев, тогда тяжбе сей и через несколько лет не предвидится окончания. Между тем незаконные владельцы будут наслаждаться чужою собственностью, несправедно приобретенною, имение, состоящее под управлением дворянских опеков, будет приходить в совершенное разорение, а законные наследники претерпевать убытки.

¹¹ Имеется в виду Институт Корпуса инженеров водяных и сухопутных сообщений, созданный в 1809 г.

Записка по сему делу, изготовленная к слушанию Правительствующего сената, состоит из 329 листов, а в Сенате существует недоумение, каким образом считать листы, в две или в четыре писанных страницы; во всех взысканиях за гербовую бумагу¹² с просителей обыкновенно считается за лист четыре писанных страницы; по делу же моих верителей при рукоприкладстве поллиста считают листом, и таким образом время рукоприкладства продолжается вдвое.

А посему, прибегая к великодушию и справедливости Вашего Сиятельства, покорнейше прошу прекратить силою вверенной Вам власти все сии злоупотребления противников моих верителей и повелеть, чтобы лица, не принадлежащие к данному делу, естли пожелают делать рукоприкладство, читали бы не всю записку, но только места, до них касающиеся, что можно производить нескольким лицам вместе, что и мною исполнено; и повелеть считать лист кругом¹³, но не поллиста за целый. Равномерно повелеть лицам, подавшим прошение к рукоприкладству, являться в Сенат для чтения записки и тем пресечь умышленную проволочку дела, к разорению моих верителей клонящуюся.

Верители мои, претерпевая крайнее разорение сею проволочкою дела, единственно в законной защите Вашего Сиятельства полагают всю свою надежду и от Вашего Высокого покровительства ожидают пресечения неправильных притязаний и проволочек противников, которые если бы чувствовали свое дело правильным, не отдаляли бы, но споспешествовали окончанию оною.

При сем осмеливаюсь представить краткую записку о целом деле¹⁴ и покорнейше прошу Вашего Сиятельства удостоить оную милостивым воззрением.

Отставной капитан Фадей Венедиктов сын Булгарин.

Апреля 30 дня 1822 года.

С.Петербург¹⁵

¹² Гербовая бумага — специальная бумага с изображением государственного герба для обращения в государственные органы, оформления документов и сделок.

¹³ Здесь в значении: целиком, полностью.

¹⁴ В краткой записке Булгарин полемизировал с обер-прокурором 3-го департамента Сената, который отвечал на предшествующую жалобу Булгарина, в основном повторяя аргументы, содержащиеся в приведенном прошении.

¹⁵ ОР ИРЛИ. 3159. Прощение написано писарским почерком; текст от слов «отставной капитан» — рукой Булгарина. На первой странице резолюция Лобанова-Ростовского: «Описываемые злоупотребления по канцелярии Сената поверить и, сообразуясь с законами по предмету Статута Литовского, указать немедленно г-ну обер-прокурору, поспешая докладом мне об оказавшемся».

Сенат слушал заявление Парчевского с доказательствами права на опекунство своего родного сына от Екатерины Жуковской 3 августа 1821 г. В октябре 1822 г. Сенат запросил ответ у Виленского суда по жалобам Парчевского о действиях опеки и 24 декабря 1822 г. последовала резолюция Сената по делу членов дворянской опеки, преданных суду за злоупотребления по управлению имением, оставшимся после Жуковского. Министр юстиции дал ей ход 22 ноября 1823 г. после состоявшихся 19 июня и 18 октября 1823 г. в Сенате слушаний о состоянии дела.

Все это время Булгарин общался с сенатскими чиновниками, писал разного рода бумаги и т. д. Так, 13 февраля 1823 г. он сообщал И. Лелевелю: «Наш семейный процесс, от которого зависит участь моя и моих родных, в настоящее время уже в докладе. Кажется, что он вскоре кончится, в настоящее же время я летаю как шальной с утра до вечера, пишу просьбы, экстракты и черт знает что. Только вчера взялся за перевод Вашей статьи и то, уверяю Вас, по ночам. Не знаю, выдержит ли это мое здоровье, историку должно быть известно, что такое процесс в России», через четыре дня о том же он пишет К.Ф. Калайдовичу: «Я теперь занят процессом, и трудно мне заняться “[Северным] Архивом”, а потому идет кое-как». 3 мая 1823 г. ему же: «...мой проклятый процесс в Сенате отвлекает меня от дела и убивает утро» [1, с. 56, 36, 39]. При этом ему приходилось идти и на нарушения. По поводу одного такого случая, сделавшегося известным, он написал прошение Д.И. Лобанову-Ростовскому:

Сиятельнейший князь

Милостивый государь!

Вашему сиятельству известны дела, производящиеся в 3 и 5 департаментах Правительствующего сената между Булгариновыми, графиней Тышкевичевою и Парчевским. Противники фамилии Булгарина, истощив все средства ябеды, чтобы вредить Булгарину, и всегда находя преграду в правосудии Вашего Сиятельства, наконец прибегнули к доносам. Г. Парчевский и г. Лихтанский, его поверенный, служащий в Сенате¹⁶, разглашают повсюду, что я по поданному ими доносу буду совершенно уничтожен, предан суду и лишен средств продолжать тяжбу и защищать мое семейство. Но я в правоте души моей прибегаю к великодушию Вашего Сиятельства и, не имея привычки обманывать никого, тем более обязан открыть Вашему Сиятельству всю истину и дело в самом его существе.

¹⁶ Имеется в виду Лаврентий Францович Лихтанский.

По делу о незаконном рождении Антония Парчевского (которое сначала оспорил не Булгарин, а г. Комар, поверенный графини Тышкевичевой) участвовали виленские адвокаты гг. Лопата и Гулевич. Когда дело сие перешло на ревизию в 5 департамент Правительствующего сената, гг. Лопата и Гулевич прислали от себя поверенных, которые, натурально, прибегли ко мне для советов, ибо их верители подвергнулись ответственности за наше дело. Один из сих поверенных просил меня, чтобы я велел для него написать просьбу о дозволении рукоприкладства, что я и учинил, поручив сие моему переписчику г. Иванову. Но как по оплошности г. Ясюковича просьбу сию залили чернилами, то я, встретив его в замешательстве в Сенате, вознамерился помочь ему и, взяв залитую просьбу, тотчас переписал оную начисто в канцелярии Сената. Но, будучи обременен множеством дел и рассеян, я действовал совершенно механически и, переписывая слово в слово, вместо того чтобы сказать «переписывал Ф. Булгарин», написал так, как было в прежней просьбе — «переписывал Иванов».

Сию-то неумышленную мою ошибку, не влекущую за собою никаких дурных последствий и не показывающую никакого вредного умысла, противники мои поставляют мне в жестокое преступление и стараются за оную подвергнуть суду. Если б я подписал чужую фамилию под просьбою, где находятся оскорбительные слова, под доносом или каким-нибудь документом — то сие можно было бы вменить в умысел. Но здесь дело идет не о подписи, а о переписчике, и г. Иванов сознается, что он действительно переписывал просьбу, а другой Иванов не имеет права вступаться, ибо здесь вовсе не упомянуто об имени, а потому и неизвестно, к которому лицу сия переписка относится!

Ваше Сиятельство! Неужели сия неумышленная ошибка (которую я вам открываю чистосердечно, хотя бы и мог бы представлять дело в другом виде) может сделать меня преступником! Нет! Я слишком полагаюсь на Ваше правосудие и великодушие и надеюсь, что Ваше Сиятельство защитите меня, невинного, и не допустите торжествовать ябеде! — Столь низкие средства не могут найти пути к благородной Вашей душе, и я покорнейше прошу Вас, правосудный министр, взять сие уважение пронырства, употребляемое моими противниками, и защитить меня несчастного.

Вашего Сиятельства

Милостивого государя

Покорнейший слуга

Фаддей Венедиктов Булгарин.

Сего 9 июня 1823

СПетербург¹⁷

¹⁷ ИРЛИ. Р. I. Оп. 2. № 374. Л. 1–2. К прошению приложено свидетельство бухгалтера Государственного контроля Иванова, что он переписывал для Булгарина бумаги для журналов «Северный архив», в том числе просьбу о позволении рукоприкладства Ясюковичу.

Из-за разногласий по делу, возникших в Общем собрании Сената (5 сенаторов, в частности, Д.И. Хвостов и Е.А. Кушелев, высказались в пользу графини Тышкевич), оно рассматривалось в Департаменте гражданских и духовных дел Государственного совета 20 мая и 9 ноября 1825 г., а также 26 апреля, 13 и 17 мая 1826 г.¹⁸ М.М. Сперанский подал глубоко аргументированное мнение (указав на сущностное разделение завещания и дара: по польским законам родовое имение можно дарить при жизни, но нельзя завещать по смерти), и большинство членов Государственного совета высказалось в пользу Булгарина и Парчевского. 2 июня 1826 г. император утвердил заключение большинства Государственного совета¹⁹, о чем было объявлено указом от 13 июля 1826 г. (л. 1908). Сенат в Общем собрании выслушал это мнение 23 июля 1826 г. и предписал исполнить высочайше подтвержденное мнение Государственного совета, разослав указы 13 августа 1826 г. (л. 1905–1905 об).

Формально процесс был окончен, однако в ходе исполнения указа возникли сложности с разделом наследства между Булгариными и Парчевским, с 1827 г. они становятся спорящими сторонами. От имени Парчевского теперь (после смерти отца в 1821 г.) выступали его опекуны, братья (по первому браку отца с Саломеей Дзевоньской) Александр и Константин (1801–1855) Парчевские, а П. Булгарин выдал доверенность вести свое дело поверенным: Л.В. Ордынскому (в 1826 г.), позднее Ф.В. Булгарину и адвокату Лопате. 21 февраля 1827 г. Булгарин пишет В.А. Ушакову, что он «от 6 до 12 утра за письменным столом; от 12 до 3 в походе по делам журнальным и процессу (которому нет *конца* после *конца*, в продолжение 10 лет)...», о том же 30 апреля 1827 г. Н.А. Полевому: «...имею процесс...» [1, с. 141, 126]. В середине мая 1827 г. в записке М.Я. фон Фока А.Х. Бенкендорфу, написанной со слов Булгарина, сообщалось, что он едет на три месяца в Остзейские губернии, чтобы отвезти больную жену в Поланген²⁰, поблизости которого находится имение П. Булгарина Мишуци, полученное им по процессу [2, с. 170].

Задержка в разделе наследства возникла из-за уголовного расследования о законном рождении Антония Парчевского. Суд опроверг обвинения в подлоге, что было подтверждено решением Государственного совета от 19 мая 1827 г. и сенатским указом от 3 июня

Потом испачканный лист переписал Булгарин, так как Иванов был занят (л. 3).

¹⁸ См.: Архив Государственного совета. СПб.: Государственная типография, 1897. Т. 4. Стб. 395–452. См. также: Опись дел Архива Государственного совета. СПб.: Государственная типография, 1908. Т. 1. С. 531 (№ 123), 541 (№ 226).

¹⁹ Архив Государственного совета. Т. 4. Стб. 452.

²⁰ Ныне город-курорт Паланга в Литве.

1827 г., об этом публично извещал «Литовский курьер»²¹. За извет и клевету графу С. Тышкевичу, его жене, К. Комару и П. Булгарину грозили лишение дворянства и ссылка в Сибирь, но поскольку они отказались от своего извета, то наказание смягчили: постановили графиню Тышкевич от наказания освободить, а П. Булгарина и С. Тышкевича посадить в тюрьму на полгода (л. 1847, 1908 об.).

О. Пржецлавский вспоминал:

Я прибыл в столицу 22 июля 1822 года и занял номер в гостинице Демута, но, к счастью, на другой же день, совершенно неожиданно встретился с университетским товарищем и другом моим Александром Парчевским, который года уже с два прозябал в Петербурге по своему бесконечному процессу с графиней Тышкевичевой, оспаривавшей законное происхождение его малолетнего единокровного брата, которому доводилось большое наследство. Это тоже было одно из тех уродливых «*causes célèbres*» <знаменитых (судебных) процессов (*фр.*)>, которое только при тогдашних порядках могло иметь место. Мы тотчас согласились жить вместе, наняли для этого удобную квартиру и прожили так несколько лет, пока продолжался нелепый процесс, который Парчевский окончательно выиграл [4, с. 172].

Новый сенатский указ по процессу последовал 13 сентября 1827 г. В частности, Виленскому главному суду было указано на ошибочное (в нарушение решения Государственного совета) распоряжение передать часть имения, предназначенную Парчевскому, не в ведомство дворянской опеки, а в ведение П. Булгарина, и предписано изъять эту часть из управления Булгарина. Виленский главный суд, не дожидаясь окончательного раздела имения (из-за дела о Парчевском), решил немедленно взыскать с П. Булгарина большой штраф; при этом на другое имение Булгарина из-за долгов был наложен запрет, таким образом он был лишен возможности выплатить необходимые суммы.

В связи с этим по просьбе Булгарина А.Х. Бенкендорф обратился с письмом к управлявшему в то время Министерством юстиции А.А. Долгорукову:

²¹ Dodatek do Gazety Kuryera Litewskiego. 1827. № 82. 15 lipca.

Милостивый государь, князь Алексей Алексеевич!

Принимая участие в судьбе г. Булгарина, я прошу покорнейше Ваше Сиятельство защитить его своим покровительством, полагая, что просьба его согласуется с законами и порядком, наблюдаемым при течении дел. В чем совершенно полагаюсь на беспристрастие и правосудие ваше, милостивый государь, честь имею быть с истинным почтением и преданностью

Вашего Сиятельства

23 октября 1827²²

На следующий день Долгорукову написал и сам Булгарин:

Его Сиятельству господину тайному советнику, товарищу министра юстиции и управляющему министерством, сенатору и разных орденов кавалеру, князю Алексею Алексеевичу Долгорукову,
от чиновника Министерства просвещения 8-го класса,
Фаддея Булгарина,
по доверенности дяди его подконюшего литовского Булгарина
покорнейшая просьба.

Десять лет продолжалась тяжба между Булгариным, Парчевским и графиней Тышкевичевою об наследственном имении, которое желала себе присвоить графиня Тышкевичева после первого мужа своего Жуковского. Наконец дело решено в пользу законных наследников, и мнением Государственного совета, Высочайше утвержденным 13 июня 1826 года, наследственное имение, состоящее в Виленской и Могилевской губерниях, повелено отдать во владение Булгариным и малолетнему Парчевскому; но как о законном рождении сего Парчевского производилось также дело по доносу поверенного графини Тышкевичевой шамбеляна²³ Комара, то часть Парчевского до окончания дела повелено содержать в управлении опеки. Наконец решилось в Государственном совете и сие дело, мая 30, 1827 года, и в мнении, Высочайше утвержденном, повелено взыскать с дяди моего Булгарина навязки²⁴, за участие в деле в качестве опекуна законных наследниц, дочерей своих. Все навязки составляют, по мнению Виленского губернского правления, сумму 15 000 золотых польских, или 9 000 рублей ассигнациями.

²² ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 82. Л. 8. Печатается по копии.

²³ Шамбелян — название камергера в Речи Посполитой.

²⁴ Навязка — форма наказания по Литовскому статуту: штраф в пользу потерпевшего.

Указ о разделе наследственного имения, взыскании с незаконных продавцов оного и прочие обстоятельства по сему делу поныне еще не выполнены Виленского главного суда 2 департаментом. При исполнении указа прежний комплект сего суда нашел препятствия и недоумения, которые надлежало разрешить Правительствующего сената Общему собранию, и новый указ об разделе имения и взыскании с разных лиц в пользу Булгариных и Парчевского выслан из Правительствующего сената только 17 сентября 1827 года. Между тем Виленское губернское правление и гродненский гражданский губернатор приступают к исполнению последнего решения по делу о законорождении Парчевского и взыскивают навязок 9 000 рублей с дяди моего Булгарина, не обращая внимания на то, что прежде надлежало исполнить первое решение и разделить имение, а после взыскивать деньги с оного, ибо по польским и литовским законам деньги взыскивают не с лица, а с имения, когда оно у кого имеется. В указе Правительствующего сената от 17 сентября 1827 года снято запрещение с имения Булгарина именно для того, чтобы он, заложив оно в ломбарте, мог удовлетворить немедленно всех кредиторов прежнего владельца, как то повелено в мнении Государственного совета. В решении дела о законорождении Парчевского именно сказано, что оно составлено по польским законам. Но ныне Виленское и Гродненское губернские правления вовсе отступают от сего правила, страшая дядю моего банкротским уставом, который вовсе не уместен в сем деле. Налагая запрещение на имение дяди моего, сим самым лишают его средств заплатить навязки и приводят его в крайнее разорение. По закону и по существующему порядку в польских провинциях надлежало бы Булгарину назначить крайние сроки к уплате, не подвергая его имение запрещению, ибо нельзя предполагать, чтобы каждый имел у себя капиталы. Напротив того, Виленское и Гродненское губернские правления упустили все сие из вида, и приложенная при сем копия предписания нижнего земского суда²⁵ явно обнаруживает меры слишком поспешные и с законом не сообразные.

Прибегая к великодушию и правосудию Вашего Сиятельства, покорнейше прошу защитить от разорения дядю моего и *во-первых*: предписать Виленского главного суда 2 департаменту, чтобы он немедленно отдал Булгариным и Парчевскому и разделил между

²⁵ Нижний земский суд — уездное (в землях бывшего Великого княжества Литовского — поветовое) выборное административно-полицейское учреждение, созданное в 1775 г. Он состоял из избираемого местным дворянством на три года капитан-исправника и двух или трех земских заседателей, а также двух заседателей от «поселян». В его функции входили приведение в исполнение распоряжений правительственных властей, наблюдение за исправным состоянием дорог и мостов, меры к прекращению заразных болезней и падежей скота, разбирательство по маловажным проступкам и т. д.

ними наследственное имение, из коего часть находится в руках незаконного покупателя графа Платера; *во-вторых*: предписать Виленскому и Гродненскому губернским правлениям, чтобы они не налагали запрещения на имение Булгарина, а когда бы оно было наложено, то сняли оное и назначили законный срок для уплаты Парчевскому навязок. Срок сей не иначе может быть назначен, как от времени раздела имения между Булгариными и Парчевским, дабы Булгарин, свободно распоряжая своею частью, мог без разорения своего уплатить деньги, чего теперь он сделать не в состоянии, когда на имение будет наложено запрещение.

Служащий в Министерстве просвещения 8-го класса

Фаддей Булгарин.

Октября 24 дня

1827 года.

С.П.бург.²⁶

Через несколько дней Долгоруков ответил Бенкендорфу:

Милостивый государь Александр Христофорович!

Вследствие письма Вашего Превосходительства ко мне от 24 минувшего октября, считаю нужным уведомить вас, милостивый государь, что принесенную мне чиновником 8-го класса Фаддеем Булгариным, по доверенности дяди его подконюшего литовского Булгарина, просьбу, касательно дела об имении, оставшемся после детей маршала Жуковского, предложил я в подлиннике Правительствующему Сенату, который по рассмотрении оной и вновь поданной Булгариным Сенату по тому же предмету просьбы, затребовал противу бумаг сих, указами 22-го ноября посланными, от Виленского и Гродненского губернских правлений надлежащих объяснений; а дабы по получении оных разрешение помянутых просьб Булгарина не замедлилось, о том вместе с сим сделал я со своей стороны и по Сенату надлежащее распоряжение.

С совершенным почтением и преданностию

Имею честь быть

Вашего Превосходительства покорнейший слуга

Князь Алексей Долгоруков.

29 октября 1827 г.²⁷

²⁶ РГИА. Ф. 1347. Оп. 65. Ед. хр. 1070. Л. 1863–1864. На первом листе прошения сверху резолюция А.А. Долгорукова: «25 октября. Препроводить сию просьбу обер-прокурору для предложения при прениях Пра[вительствующему] Сенату. Немедленно». Внизу на первом листе: «Слуш[али] в Обьед[иненном] соб[рании] 11 ноября 1827».

²⁷ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 82. Л. 17.

Прошение на имя императора о том же, записанное со слов Ф. Булгарина, 4 ноября 1827 г. подал Л. Ордынский. Сенат слушал об этом 11 ноября 1827 г., а рапорт Виленского губернского правления об исполнении решения Государственного совета 22 декабря 1827 г. Однако затем вновь по этому же вопросу Ордынский, как поверенный П. Булгарина, подал прошение 23 апреля 1828 г. Дело о разделе наследства готовилось к рассмотрению в Сенате: рапорт об исполнительном производстве из Виленского главного суда от 28 марта 1828 г. поступил в Сенат, предприняли определенные действия и спорящие стороны.

Бенкендорф написал председателю Государственного совета князю В.П. Кочубею:

Милостивый государь,
граф Виктор Павлович!

Г[осподин] коллежский ассесор Булгарин, известный наш юрист, в судьбе которого я принимаю особенное участие, подал мне записку о деле двоюродных его сестер, с просьбою довести оное до сведения Государя Императора²⁸.

Обстоятельства, в записке прописанные, заслуживают, сколько мне кажется, особенное уважение, но поелику дело сие было уже рассмотрено в Государственном Совете, то я и счел долгом отнести поступившие ко мне по сему предмету бумаги на благосклонное и справедливое уважение Вашего Сиятельства.

С истинным высокопочитанием и совершенною преданностию честь имею быть

Вашего Сиятельства

Покорнейший слуга

А. Бенкендорф.

25 апреля 1828²⁹

Кочубей 18 сентября препроводил бумаги статс-секретарю Н.М. Лонгинову, спрашивая, не доложит ли он императору об этом деле. На это Лонгинов ответил ему 26 сентября 1828 г.: «...на всеподданнейший доклад мой по сему прошению Высочайшего соизволения на оное не последовало, за окончанием дела сего в Государственном Совете»³⁰.

²⁸ Речь идет о всеподданнейшей просьбе о рассмотрении дела о законнорождении Антония Парчевского.

²⁹ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 82. Л. 20. Печатается по копии.

³⁰ Там же. Л. 21–22.

27 сентября 1828 г. сестры Иоганна и Казимира Булгарины в присутствии отца и свидетелей (в их числе значится и К. Парчевский) составили доверенность на имя Ф.В. Булгарина на ведение своих дел по процессу (л. 1870–1872); 27 ноября того же года он подал прошение на разрешение ознакомиться с запиской, подготовленной к предстоящему Общему собранию департаментов Сената (разрешение было получено 26 января 1829 г.). Однако, из-за отъезда Булгарина, с документами, по его доверенности, познакомился титулярный советник А.П. Барихин (разрешение было получено 26 июля 1829 г.) Подробную просьбу в Сенат, с приложением родословной, подал и Александр Парчевский.

В архивном деле имеется объемистая печатная записка с рассмотрением поступивших документов к слушаньям в Общем собрании (л. 1898–1992). Согласно этой записке из более 20 наименований крупных и мелких имений, составивших наследство Жуковского, Виленским судом было определено сестрам Булгариным: в Климовицком уезде имение Забялышин (174 двора, в них мужских душ 602); в том же уезде фольварк Иоганов (86 дворов, в них мужских душ 140); в Мстиславском повете фольварк Княжищев (21 двор, в них мужских душ 70); фольварк Войнин (61 двор, из них мужских душ 281); фольварк Фастов (36 дворов, в них мужских душ 13), т. е. более 1100 крепостных мужчин, а в целом порядка 2 тыс. крепостных; кроме того, дом в г. Мстиславе (л. 1920).

Общее собрание департаментов Сената по прошениям братьев и опекунов Парчевского, дочерей Булгарина и гр. Тышкевичевой состоялось 31 мая, 13 июня, 27 июня, 1 и 7 ноября 1830 г.

Булгарин 20 сентября подал прошение Д.Н. Блудову, который тогда временно управлял министерством юстиции.

Милостивый Государь

Дмитрий Николаевич!

Государственный Совет, признав мнением своим, что имение, оставшееся после Эмилии Жуковской, принадлежит двоюродным сестрам ее, двум Булгариным, и двоюродному брату ее, Антону Парчевскому, повелел 2-му департаменту Виленского главного суда разделить сие имение между наследниками по законам того края, где находится имение и где производится тяжба. 2-й департамент Виленского главного суда разделил имение правильно, по точному смыслу Литовского Статута раздела 3-го артик[ула] 17, то есть на головы, ибо в законе сказано, что буде бы все братья померли (как то случилось с Жуковскими), то имение переходит *в нисходя-*

щую линию, к сестрам и их потомству. Но как сестер Жуковского не было в живых в то время, когда открылось наследство, то имение, по смыслу закона, переходит к их детям, и наследство открывается не по братьях Жуковских и не по сестрах их, но по Эмилии Жуковской, на имя коей сделан ввод в имение, или интромиссия. Закон сей иначе растолковали в Сенате, в чем, конечно, не виновен польский законодатель, коего обвиняют в неясности. В Польше на чье имя сделан ввод или интромиссия в имение, тот уже и признается полным властелином имения, следовательно, по смерти своей, открывает прямое после себя наследство, а в таком случае вовсе не нужно обращаться к восходящей линии, т. е. к матерям, когда они уже не были в живых при получении наследства их племянницею Эмилиею Жуковскою.

Если бы даже матери Булгариных и Парчевского были живы в то время, то все-таки не получили бы наследства после смерти своей племянницы, но получили бы их дети, т. е. Булгариновы и Парчевский. Напротив того, если б у Жуковского не было дочери Эмилии, тогда бы имение перешло к его сестрам, Булгариной и Парчевской, а если бы даже и они не были в живых, то нынешние наследники Булгарины и Парчевский, получая наследство после дяди, должны были бы разделить оное на две части, ибо получили бы оное в степени своих матерей. Но теперь это не может иметь места, когда наследство получается не после дяди, но после двоюродной сестры, т. е. *в нисходящей линии*. Так гласит вышеупомянутый Статут Литовский, и так делалось всегда в Литве, по точному смыслу сего закона. Ныне Сенат, объявив, что сей закон неясен, и употребив вместо оного Прусскую корректуру³¹, вовсе не идущую в дело при сем случае, поколеблет в основании существенное право Литвы и нарушит спокойствие многих семейств, владеющих имениями на основании Статута Литовского. Это будет настоящий переворот в юриспруденции!

Почти все древние законы в европейских государствах, так же как в Литве и Польше, составлялись (до XIX века) по римским правам. Это ясно и математически доказано. Во всех школах учили римскому праву и латинскому языку, и судья в древней Польше непременно обязан был знать это. Оттого-то и Статут Литовский,

³¹ В Западной Пруссии (Королевской Пруссии), перешедшей к Польше по Торнскому договору 1466 г., действовали разнообразные законодательные нормы: магдебургское, любекское, хелминское и польское право. Позднее обязательным стало хелминское право. В 1598 г. был издан законодательный акт, которым за прусской шляхтой обеспечивались права. Он считался видоизменением хелминского права и поэтому был назван Прусской корректурой. Этот акт действовал только в трех западных воеводствах Польши.

составленный по образцу римских законов, с некоторыми применениями к местностям, был понятен судьям и не требовал толкований. Две сестры Булгарины и Парчевский суть наследники *в нисходящей линии*[, они] получают наследство *после двоюродной сестры*, каждый *в равной степени родства* и *по одному праву*, следовательно, по смыслу Статута Литовского раздела 3-го артик[ула] 17 должны получить каждый *равную часть*. Сей закон есть не что иное, как повторение римского права: *Novellae 118 c. 3 in fin: «Secundum personarum numeram inter eos hereditas dividatur; quod in Capita postrae leges appellant»*³², и проч.

Осмелился ли бы 2-й департамент Виленского главного суда в столь важном деле, на которое устремлено было внимание целой Литвы, поступить противузаконно в разделе, как полагают некоторые господа сенаторы, дающие ныне иной смысл закону, который несколько сот лет принимался всегда в одном смысле? По Прусской корректуре делили наследство в Польше и в тех провинциях, где Статут Литовский был не в действии, но в Литве не было сему примеров, и те ошибаются, которые Волынию и Подолию почитают Литвою! К чужим законам позволялось тогда только прибегать в Польше, когда не было своего на какой-нибудь случай; но если б позволили прибегать к другим законам тогда, когда старый закон покажется судье *непонятным* или *несогласным с его мнением*, то из этого родилось бы бесконечное замешательство в юриспруденции. Законодатель не виновен, что его не понимают или что закон не нравится судьям. Можно уничтожить закон и заменить его другим, но доколе он существует, не должно прибегать к другому, понятнейшему. Таким образом, ссылка на Прусскую корректуру здесь вовсе не у места.

На чем основываются господа сенаторы, утверждая, что имение после Эмилии Жуковской должно возвратиться к ее теткам (прежде ее умершим), а после уже перейти к их детям? На Прусской корректуре, утвержденной Сеймом 1598 года! Но Польша, принимая сей закон, уничтожила ли Статут Литовский? Нет! Так почему основываться не на Статуте Литовском, а на корректуре? Не постигаю!

Еще непостижимее для меня мнение гг. сенаторов, будто дележ должен быть произведен не по Эмилии Жуковской, но в степени родных сестер ее (умерших прежде ее). Это почему? Разве в Сенате

³² Новелла № 118, гл. 3 в конце: «Пусть наследство между ними будет разделено по числу лиц; что наши законы называют делением *по головам*» (лат.). Имеются в виду «Новеллы Юстиниана» — сборник законов, подготовленный в VI в. при императоре Юстиниане I.

не известно, что процесс производился о наследстве по *Эмили Жуковской*; что *В ы с о ч а й ш е ю* Конфирмациею мнение Государственного Совета утверждено сие и что наконец *на имя Эмили Жуковской* был сделан ввод в имение, ввод, признанный самим Сенатом! Если по российским законам это маловажно, то по польским весьма важно, ибо лишь только ввод в имение сделан, то уже владетельница, невзирая на малолетство, *представляет гражданское лицо*. Господа сенаторы говорят, что поелику *Эмилия Жуковская* не оставила прямых наследников, то имение обращается в восходящую линию. По русским законам так, но по Статуту Литовскому нет, и имение в таком случае поступает в *нисходящую линию* и именно *делится на головы*. Вообще, самые почтенные люди могут ошибиться, судя по законам другого государства, писанным чужим языком и, что главное, противоположным законам их отечества. Первое предубеждение сильно и с трудом побеждается!

Это дело будет иметь влияние на судьбу целой провинции: оно представляется как юридический вопрос, и потому покорнейше прошу Ваше Превосходительство обратить на сей предмет особенное внимание.

Я не смею никого обвинять письменно в упущениях при докладах или при истолковании дела. Не хочу обвинять никого в пристрастии, а особенно судей моих, хотя знаю, в какой тесной дружбе находятся мои противники и их поверенные с некоторыми из тех *делопроизводителей*, у коих было в руках мое дело, чему я сам был свидетелем.

Поручаю судьбу несчастных сирот Вашему правосудию и при сем не могу умолчать об одном обстоятельстве, приводящем меня в беспокойство. Г. юрисконсульт Солодовников, будучи еще обер-секретарем³³, был удален от наших дел покойным моим дядею (тому 8 лет) и мною за два года пред сим, по тесной дружбе его с отцом Парчевского. Брат г. юрисконсульта³⁴ докладывал дело в Сенат!! Г. Брилевич³⁵ уже несколько раз показал свое неблагоприятное расположение к нашей фамилии.

Во всем полагаюсь на Ваше Превосходительство и на беспристрастие гг. обер-прокуроров, составляющих Консультацию³⁶, и прошу

³³ Имеется в виду Андрей Иванович Солодовников (? – 1848).

³⁴ Речь идет о юрисконсульте Министерства юстиции Василии Ивановиче Солодовникове.

³⁵ Имеется в виду Василий Сидорович Брилевич, другой юрисконсульт министерства.

³⁶ Имеется в виду орган Министерства юстиции, назвавшийся Консультация, при Министерстве юстиции учрежденная, председателем которого был министр, а входили в него товарищ (т. е. заместитель) министра юстиции, директор Департамента Министерства

только вникнуть в решение 2-го департамента Виленского главного суда и обратить внимание на примеры раздела имения не в Польше, Волынии и Подолии, *но в Литве*, где судились Статутом Литовским.

Мало того, что Сенат велит отнять у Булгариных третью часть имения, но, не ссылаясь уже ни на какие законы, повелевает Булгариным заплатить деньги Парчевскому, за время владения, и дать отчет, налагая притом запрещение на имение Булгариных. Это совершенное разорение, одним ударом! В целом мире *Dommages et intérêt*³⁷ платит сторона только за *насильственное* владение, а Булгарины получили имение *по решению суда*, в исполнение В ы с о ч а й ш е й Воли. Если Сенат полагает, что суд судил неправильно, то пусть он и отвечает. Впрочем, откуда же взять денег Булгариным, если имение в запрещении? Чем расплатиться с Тышкевичевою? Булгариным присудил Государственный Совет взять отчеты с Тышкевичевой и опекунов за управление имением и незаконные продажи оного. Кажется, было бы правильнее *прежде рассчитать*, а *после платить*, что кому следует; но с 1826 года Булгарины не могут рассчитаться ни с Тышкевичевою, ни с опекунами и незаконными покупателями имения, а Сенат повелевает тем же лицам взыскивать деньги с Булгариных, немедленно, в скорейшие сроки, не ожидая расчетов! — Боже! призри угнетенных сирот!

С истинным высокопочитанием и совершенною преданностью честь имею пребыть

Вашего Превосходительства

Милостивого Государя

всепокорнейший слуга

Фаддей Булгарин.

20 сентября 1830

СПбур³⁸

После того как на летних заседаниях в Общем собрании департаментов Сената произошли разногласия по делу, в Сенат поступило предложение Д.Н. Блудова от 30 октября 1830 г., заслушанное 1 ноября 1830 г. Основываясь как на Литовском Статуте, так и на Прусской корректуре, он предложил, отменив решение Виленского главного суда, разделить оставшееся от Жуковского наследство

юстиции и обер-прокуроры департаментов Сената. В Консультации рассматривались дела, не получившие разрешения в Сенате, дела, вносившиеся по распоряжению министра и др.

³⁷ Возмещение убытков (*фр.*).

³⁸ РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. Д. 323. В архивной описи адресат письма не идентифицирован.

не на три (две — сестрам Булгариным, одну — Парчевскому), а на две равные части Парчевскому и Булгариным; при этом П. Булгарин должен выплатить все перебранное за минувшее время Парчевскому, представив все отчеты о доходах с имений; взять часть имения Булгарина и отдать Парчевскому, а для осуществления этого «подвергнуть имение Булгарина до окончания расчетов запрещению в письме купчих, закладных и всякого рода сделок» (л. 2024–2025). Обоим наследникам вместо выплаты в пользу графини Тышкевич 5% с дохода, составляющего 20 тыс. червонцев (54 тыс. рублей серебром), назначить 7% (как и предлагал Виленский суд), по равному числу из каждой половины, в противном случае она может завладеть имением наследников. За Тышкевич оставить в пожизненное владение половину имения Куртовяны и дом в Вильне. Жалобам на Виленский суд отказать. Сенаторы большинством голосов согласились с предложением Блудова (л. 2029).

Последний указ Сената о наследстве Жуковского датирован 2 января 1831 г. 14 февраля 1831 г. Виленское губернское правление отравило рапорт о полученных указах. В 1832–1833 гг. Сенат получал и слушал рапорты Виленского губернского правления и Виленской палаты гражданского суда об исполнении сенатского указа.

1 июля 1833 г. Булгарин писал М. Малиновскому:

Ты знаешь, что у нас был злополучный процесс Булгариных и Парчевских с графиней Тышкевич. Знаешь также, что мне достались в наследство 50 хат в скверной Белоруссии. Мои родственники владеют имением с 1826 года и не выделили меня под тем предлогом, что имение не было разделено между Булгариными и Парчевскими. Я ждал этого раздела 6 лет! Сейчас я слышал, что собираются приступить к разделу и что для этого назначены судьи из 2-го департ[амента] Главного виленского суда. Правда ли это? Как обстоят дела? [1, с. 468–469].

Чем и когда закончился раздел, пока точно установить не удалось. Судя по разного рода свидетельствам, Булгарин получил в 1835 г. упоминавшийся выше фольварк Войнин (Войнино, Войнинск) и одноименное село в Любавичской волости Мстиславского уезда Могилевской губернии, откуда вывез в свое имение Карлово (около Дерпта) 350 крестьян³⁹. От могилевского имения он через некоторое

³⁹ См.: [1, с. 436; 7, с. 185], а также: *Булгарин Ф.В.* Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно, весною 1835 года // *Северная пчела*. 1835. № 140, 141, 150–154, 175, 176, 189–192, 197, 212–215.

время избавился; в его формулярном списке 1857 г.⁴⁰ за ним значилось только Карлово, приобретенное в 1828 г. на литературные доходы. Во-первых, ему не хотелось владеть крепостными⁴¹, а во-вторых, за именем нужно было наблюдать, а это явно не входило в его планы.

Однако, не получив адекватного вознаграждения за свои многолетние труды по ведению процесса, Булгарин приобрел нечто большее: ценные знания как по процедурной части судопроизводства, так и по закулисной его части. Никто из русских писателей и журналистов первой половины XIX в. не имел подобного опыта, и Булгарин использовал его в полной мере в своих нравоописательных очерках, романах и записках для III отделения.

В целом ряде его произведений присутствует проблематика нарушения закона и судопроизводства, а в некоторых она находится в центре повествования. Например, в очерке Булгарина «Ходатай по делам, или На то щука в море, чтоб карась не дремал» содержится колоритная автохарактеристика ходатай по делам: «У нас это самое наживное звание. Для приобретения богатства на сем поприще надобно иметь только хорошие ноги, звонкий язык, легко повешенный в горле, как можно менее стыда, как можно более слов, ни крошки совести и лисью голову», «ссылки, могущие дать превратный толк законам, высосаны мною из Судебника, Уложения Царя Алексея Михайловича, всех регламентов, инструкций и Воинского процесса, как подобает при опровержении законного решения»⁴². Соответствующие описания можно найти во всех романах Булгарина.

О судопроизводстве Булгарин не раз писал и в своих аналитических записках для III отделения. Одна из них, под названием «Юридические соображения о единственном средстве к пресечению бесконечных процессов в России», была подана в декабре 1826 г. В ней он констатировал следующее: «...у нас нет окончательного судилища, коего решения были бы ненарушима, и <...> один процесс у нас возрождается беспрестанно по одним только прошениям, подаваемым на Высочайшее имя. Возможность возобновлять однажды конченные процессы есть величайший вред для спокойствия каждого, [и] нарушает права собственности <...>. Никто не уверен ни в своем наследии, ни в достоянии предков. У нас пока процесс

⁴⁰ См.: РГИА. Ф. 412. Оп. 8. Д. 7. Л. 106–112.

⁴¹ В Лифляндской губернии, где он купил Карлово, крепостное право было отменено в 1819 г.

⁴² Северная пчела. 1827. № 6. См. также очерк Булгарина «Ходатай на ловле» (Северная пчела. 1827. № 12).

дойдет до Высочайшей конфирмации, он должен пройти чрез пять инстанций, не менее как в десять лет, и подвергнуться мнению по крайней мере шестидесяти судей. После всего этого проигравшая сторона не теряет надежды возобновить дело, одною просьбою на Высочайшее имя, о рассмотрении решения Государственного совета, высочайше конфирмованного или в Комиссии прошений, или в Комитете министров, <...>. Законы теряют свою силу <...>. Переменить закон состоит в доброй воле Государя Императора, но решение Его по делам частным, прошедшим чрез пять инстанций, должно быть твердым и ненарушимым, для блага общего и для утверждения мнения о неизменности воли Царской, на коей основывается безопасность собственности Его подданных» [2, с. 99–101].

Испытав сильное влияние просветительской идеологии, для которой принципы управления государством и нравственные нормы, которыми правитель должен руководствоваться в сфере правосудия, были очень важны, в ряде произведений 1822–1826 гг. в жанре восточной повести («Правосудие и заслуга», «Закон и совесть», «Милость и правосудие»)⁴³ он обсуждал и общие вопросы управления государством и судопроизводства. Эпиграф повести «Закон и совесть» почерпнут из «Наказа Екатерины»: «Власть судейская состоит в одном исполнении законов...». Правосудный халиф в этой повести поучает: «Для того установлены законы, которые суть не что иное, как совестьное заключение на различные случаи и деяния человеческие, то есть ум и совесть, облеченные в известные формы, которые каждый гражданин обязан соблюдать во всей строгости»⁴⁴.

Как видим, богатые жизненные впечатления, связанные с сферой судопроизводства, отразились как на мировоззрении Булгарина, так и на его литературной деятельности.

Литература

1. «Благо разрешился письмом...»: переписка Ф.В. Булгарина / сост. А.И. Рейтблат; подгот. текста и коммент. Н.Н. Акимовой и А.И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 816 с.

2. Видок Фиглярин: письма и записки Ф.В. Булгарина в III отделение / публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 704 с.

⁴³ О произведениях Булгарина в этом жанре см.: [3; 5].

⁴⁴ Булгарин Ф.В. Закон и совесть [1823] // Булгарин Ф.В. Сочинения: [в 12 ч.]. 2-е изд., испр. СПб.: В тип. Александра Смирдина, 1830. Ч. 5. С. 188–189.

3. *Основат А.Л.* К источникам пушкинской темы *милость — правосудие* («восточная повесть» Ф.В. Булгарина) // Полугтропу: к 70-летию В.Н. Топорова. М.: Индрик, 1998. С. 591–595.

4. Поляки в Петербурге в первой половине XIX века / сост., предисл., примеч. А.И. Федуты. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 912 с.

5. *Рахманов Б.Р., Сайдали И.М.* Мотивы милости и правосудия в «восточных» повестях Ф.В. Булгарина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Т. 2, № 4. С. 87–99.

6. *Рейтблат А.И.* Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: ст. и мат. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 632 с.

7. *Шор Т.* «Нелитературное» Карлово и его обитатели: (обзор документов Национального архива Эстонии) // Новое литературное обозрение. 2014. № 5 (129). С. 175–191.

Research Article and Publication of Archival Documents

F.V. Bulgarin — Legal Representative

© 2026. Abram I. Reitblat
New Literary Review
Moscow, Russia

Abstract: One of the obscure aspects of F.V. Bulgarin's biography is the legal case in which he was involved from the mid-1810s to the early 1830s. Based on an extensive court case file held at the Russian State Historical Archive (RGIA), as well as a number of other sources, this article provides a detailed account of the course of this convoluted legal proceeding, which occupied the Governing Senate and the State Council for many years and played an important role in Bulgarin's life and work. The article includes previously unpublished letters and petitions from Bulgarin to D.I. Lobanov-Rostovsky, as well as to A.A. Dolgorukov and D.N. Bludov, who (at various time) headed the Ministry of Justice, and also petitions on Bulgarin's behalf submitted to A.A. Dolgorukov and to V.P. Kochubey, Chairman of the State Council, by A.H. Benckendorff, Chief of the Third Department.

Keywords: F.V. Bulgarin, writer's biography, trial, Senate, State Council, Lithuanian Statute.

Information about the author: Abram I. Reitblat, PhD in Pedagogy, Editor, "New Literary Review" Publishing House, Tverskoy Blvd., 13, 123104 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4957-7401>

E-mail: reitblat@nlobooks.ru

For citation: Reitblat, A.I. "F.V. Bulgarin — Legal Representative." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 100–128. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-100-128>

References

1. "Blago razreshilsia pis'mom...": perepiska F.V. Bulgarina ["Thank Goodness, Wrote the Letter...": Correspondence of F.V. Bulgarin], comp. by A.I. Reitblat; text prep. and comm. by N.N. Akimova and A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2025. 816 p. (In Russ.)
2. Vidok Figliarin: pis'ma i zapiski F.V. Bulgarina v III otdelenie [Vidok Figlyarin: Letters and Notes of F.V. Bulgarin to the 3rd Section], publ., comp., foreword and comm. by A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 704 p. (In Russ.)
3. Ospovat, A.L. "K istochnikam pushkinskoi temy milost' — pravosudie ('vostochnaia povest' F.V. Bulgarina)" ["On the Sources of Pushkin's Theme of Mercy and Justice: F.V. Bulgarin's 'Eastern Tale'."]. *Πολύτροπον: k 70-letiiu V.N. Toporova* [Πολύτροπον: On the 70th Anniversary of V.N. Toporov]. Moscow, Indrik Publ., 1998, pp. 591–595. (In Russ.)
4. Poliaki v Peterburge v pervoi polovine XIX veka [Poles in St. Petersburg in the First Half of the 19th Century], comp., introd. and notes by A.I. Feduta. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 912 p. (In Russ.)
5. Rakhmanov, B.R., Saidali, I.M. "Motivy milosti i pravosudiia v 'vostochnykh' povestiakh F.V. Bulgarina" ["Motifs of Mercy and Justice in F.V. Bulgarin's 'Eastern' Novellas"]. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia. Humanitates*, vol. 2, no. 4, 2016, pp. 87–99. (In Russ.)
6. Reitblat, A.I. *Faddei Venediktovich Bulgarin: ideolog, zhurnalist, konsul'tant sekretnoi politzii: stati' i materialy* [Faddey Venediktovich Bulgarin: Ideologist, Journalist, Secret Police Consultant: Articles and Materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 632 p. (In Russ.)
7. Shor, T. "'Neliteraturnoe' Karlovo i ego obitateli: (obzor dokumentov Natsionalnogo arkhiva Estonii)" ["'The 'Non-Literary' Karlovo and Its Inhabitants: (A Review of Documents from the National Archives of Estonia)"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5 (129), 2014, pp. 175–191. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 19.03.2026
Одобрена после рецензирования: 12.05.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 19.03.2026
Approved after reviewing: 12.05.2026
Date of publication: 25.06.2026